

Как Берия объединял Германию. Исследование Леонида Млечина стр. 7

П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Й Диалог

ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА

Война — дело долгое. На чем затормозили переговоры вокруг Донбасса стр. 3

Октябрь 2021

№3 (17)

3 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ, ПРАЗДНИК, НАПОМИНАЮЩИЙ О ВЗАИМОПОНИМАНИИ ВО ИМЯ МИРА МЕЖДУ НАШЕЙ СТРАНОЙ И ФРГ

Урсула Вайденфельд

К этому сюжету нет ни одной иллюстрации — сохранились только воспоминания очевидцев. Декабрь 2005 года. Европейский союз зашел в тупик. Договор о введении европейской конституции не ратифицирован, страны-члены не могут договориться о формировании нового бюджета. На кону не только деньги, влияние и субсидии для сельского хозяйства, но и будущее ЕС как дееспособного сообщества, которое насчитывает на тот момент 25 государств. Вечер 16 декабря. Тогдашний председатель Совета глав государств и правительств ЕС Тони Блэр ретируется в президентский номер здания Юстуса Липсуса, тогдашней штаб-квартиры Совета в Брюсселе. Другие главы правительств свыкаются с мыслью, что саммит, похоже, потерпит крах. Один за другим они прощаются и уходят заниматься вечерними делами. И только один немецкий политик не знает покоя: беседует то с одним, то с другим, с кем-то знакомится, кого-то приветствует и, наконец, начинает долгий разговор с президентом Франции Жаком Шираком. Это Ангела Меркель, несколькими днями ранее вступившая в должность федерального канцлера.

На следующее утро выход найден. А Меркель открыла для себя свою роль на ближайшие 16 лет и, как будто невзначай, определила роль своей страны на первые десятилетия XXI века. Германия становится центральной державой Европы, для которой характерны готовность к компромиссам, стремление к разрешению противоречий и (разумеется) заинтересованность в собственном благополучии. «Мир в эпоху Меркель», — обозначит все это позднее британский политолог и журналист Мэтью Квортруп.

Меркель делает ставку не на концепции, а на вторичные достоинства: она не оставляет свою позицию по тому или иному вопросу, как на боксерском ринге, а скрывает ее. Ей нужны не друзья, а союзники. Она

С Ангелой Меркель прощается большая политика и большие политики

ПОРТРЕТ

Слишком сильна и слишком слаба

Прощаясь с эпохой Ангелы Меркель, немецкая журналистка Урсула Вайденфельд рассказывает о том, как за четыре срока правления канцлер превратила Германию в своего рода глобальную телефонную станцию.

продолжает вести переговоры, пока есть силы держаться на ногах, и в худшем случае возвращается домой с не слишком элегантными компромиссами, которые подает как успех. Ангела Меркель не стремится пробиться в первые ряды. Так она вы-

страивает свою международную политику в то время, когда все больше ее собеседников делают ставку на противоположную стратегию: харизматичные заявления, масштабные планы, демонстрацию силы. За редкими исключениями, в основ-

ном связанными с американским президентом Дональдом Трампом или с его российским коллегой Владимиром Путиным, метод Меркель оказывается результативным.

В декабре 2005 года еще никто не мог этого знать. Но сегодня, огляды-

ваясь назад, можно поверить, будто Меркель уже тогда твердо решила оставаться на посту канцлера в течение четырех сроков, накапливать опыт и прятать нити переговоров, которые пригодятся лишь годы спустя. Тогда же, поздним декабря-

ским вечером, никому не известный в Брюсселе политик сумела договориться об увеличении бюджета ЕС, переиграть англичан, добившись снижения скидки на размер членских взносов для Великобритании, и создать у французов иллюзию, что в вопросах миллиардных аграрных субсидий она на их стороне. Федеративная Республика согласилась взять основную часть соответствующих расходов на себя. «Германия, к всеобщему удивлению, начала мыслить конструктивно», — рассказывают участники тогдашних событий биографу Меркель Квортруп. Если посмотреть на это иначе, женщина, лишенная каких-либо ярких качеств, ворвалась в самоуверенный мир поп-звезд от политики Тони Блэра и Жака Ширака и сделала возможными такие договоренности в Европе, которые до этого (при ее предшественнике Герхарде Шрёдере) часто увязали в вербальной демонстрации силы или приводили к подписанию нежизнеспособных договоров.

Меркель обходится без привычной символики власти, которая требует одобрения избирателей. Политолог Карл-Рудольф Корте характеризует ее стиль как «эстетику бедности». На внешнеполитической арене это приносит достойные результаты, однако во внутриполитическом контексте слишком многое пробуксовывает, начиная с реформы пенсионного и социального обеспечения и заканчивая дельным законом об охране климата. В основе такой позиции лежит фундаментальное понимание: в период после 2005 года экономическая мощь Германии зиждется не столько на прилежании, готовности к реформам и изобретательности немцев, сколько на проблемах других стран. Слабость общеевропейской валюты идет на пользу экспортно ориентированной немецкой промышленности. Расслабленная денежная политика эмиссионного банка приводит к установлению таких процентных ставок, которые на протяжении практически всего канцлерства Меркель оставались ниже адекватного для Германии уровня. Как следствие, в то время, как Греция и Кипр оказываются на грани дефолта, экономика Италии никак не сдвинется с мертвой точки, а Великобритания скатывается в «Брексит», ВВП Германии стабильно растет, безработица снижается, дефицит государственного бюджета сокращается, объем экспорта достигает впечатляющих показателей.

>> стр. 5

ПАРТНЕРЫ

После выборов перед выбором

Йоханн-Михаэль Мёллер — член правления

Форума «Петербургский диалог» — о выборах и отношениях между Германией и Россией, в которых нужно действовать, хотя иногда кажется, что сказать друг другу больше нечего.

Йоханн-Михаэль Мёллер

Ситуацию в России в первые дни после думских выборов и ситуацию в Германии сразу после выборов в Бундестаг, по сути, невозможно сравнивать. И тем не менее есть некоторые аналогии, над которыми стоит задуматься. В обеих странах поднимается вопрос о необходимости фундаментальных перемен в политике, социальной сфере, экономике и не в последнюю очередь в экологии. Недавно в России в ходе голосования последовал ответ на вопрос о политических переменах: им стало резкое «нет». Режим отстоял свое доминирующее положение. Кажется, всеми возможными средствами.

В Германии же велось много разговоров о действительно масштабной трансформации, но по мере приближения к предвыборной прямой соответствующие призывы зву-

чали уже не так громко. По итогам выборов одни партии улучшили свои позиции, другие — ухудшили, но никакого оползня, который радикально изменил бы политический ландшафт, а вместе с ним и общее направление курса, не произошло. Различные возможности для формирования правительства распределены между партиями средних масштабов, и то, какой быть политике, решится в результате (вероятно, затяжных) переговоров.

Мы наблюдаем, как в России режим больше не дает повода для фантазий на тему путей развития. Для русских такая ситуация не в новинку. Это видно, в частности, по тому, насколько заиклившей на себе стала российская оппозиция. Где ее убедительные альтернативные предложения?

Похуже, в Германии с этим обстоят иначе. И по итогам выборов аналитики уже отмечают формирование новых, молодых общественных групп, осознающих важность как свободы, так и охраны климата. Однако своей победой СДПГ обязана скорее тем, кто сделал ставку на стабильность и сохранение имеющихся условий. В Германии амбициозные планы перемен тоже могут очень быстро увязнуть в серых буднях политических хитроуплетений.

Впрочем, едва ли стоит искать сигналы возможных перемен в российско-германских отношениях в предвыборных программах. Отсутствие понимания по определенным вопросам никогда не исчезнет, равно как и разногласия, кроме того, каждая сторона будет пребывать в уверенности, что сказать друг другу больше особо нечего, но тем не менее как-то ладить необходимо. Даже в плачевной ситуации есть свои знакомые стороны.

Отличие от времен Холодной войны: глобальные вызовы практически не оставляют места для старой идеи конкуренции между политическими системами. Глобальные последствия изменения климата, миграционные процессы и драматическая ситуация с истощением природных ресурсов, а также последствия пандемии крайне проблематично поставить как в географические, так и в идеологические рамки. В конце концов придется признать очень важную вещь: вырваться из углеродного века можно только совместными усилиями, какими бы разными ни были интересы, а также амбиции. Раньше в данной связи говорили о переменах через сближение. Сегодня речь идет о чем-то гораздо большем. Будущее любой части нашей планеты стало немислимым без будущего ее остальных частей.

СОТРУДНИЧЕСТВО

Освежить идеи Хельсинки

Почему русским и немцам вновь нужно преодолевать границы, на фоне итогов выборов в Бундестаг и Госдуму размышляет депутат Бундестага и его координатор по вопросам сотрудничества с Россией Йоханн Заатхофф.

Йоханн Заатхофф

В последние две недели состоялись и уже девятые выборы в Бундестаг, в которых приняли участие граждане как на западе, так и на востоке Германии, и выборы в восьмую Государственную думу Российской Федерации. Но если оглянуться на выборы и на последние месяцы перед ними, то, к сожалению, на первый план выходят те вещи, которые разделяют наши народы: прошлый год прошел под знаком напряженности, в том числе в двусторонних отношениях, вплоть до запрета деятельности некоторых немецких НКО в России и отказа от проведения форума «Петербургский диалог».

И тем не менее 3 октября, в День германского единства, нам, немцам, нельзя забывать: люди на востоке и западе страны снова могут

вместе и свободно изъяслять свою волю исключительно потому, что в 1989 и 1990 годах советское руководство перестало рассматривать Германию и Европу как театр геополитической борьбы двух лагерей с противоположными интересами. Вместо этого политики с обеих сторон железного занавеса увидели людей, способных взять на себя ответственность за свою собственную страну и за мир в Европе. После двух мировых войн, которые начинала Германия, Федеративная Республика получила большой кредит доверия, в основе которого были ожидания, что сотрудничество в Европе впрямь будет гарантом мира. Такие чаяния подкреплялись и основанием ОБСЕ.

Сегодня может показаться, что эта надежда слабеет. Все чаще противоположные интересы вновь служат для обоснования политики отчуждения.

Чтобы построить такие российско-германские отношения, которые будут способствовать поддержанию мира в Европе, нужно думать наперед. Отправной точкой для восточной политики Вилли Брандта и Эгона Бара тоже послужила геополитическая ситуация, казавшаяся тупиковой. Однако Брандтом и Баром двигало желание ее преодолеть и со-

хранить связь между людьми на Востоке и Западе. Это относится и к современной Европе.

Европа ассоциируется с демократией, а значит, и с верой в дееспособность своих граждан, а еще с тем, что люди, невзирая на границы, видят друг в друге партнеров. Нам не нужна новая Ялта, которая разделит европейцев и разграничит сферы интересов. Скорее нам нужно «освежить» идеи Хельсинкского соглашения: сотрудничество должно быть чем-то непреложным, не зависящим от конфликтов интересов. Этот подход представляется тем более правильным, когда необходимо находить решения для масштабных задач, таких как энергетическая безопасность и предотвращение изменений климата, демократия и права человека во времена пандемии и цифровизации.

После выборов в России и Германии политическая повестка должна в меньшей степени определяться тем, как мы пытаемся отделиться друг от друга. Во всех сферах, будь то ограничения на въезд, законодательство или препятствия для диалога, обусловленные страхом перед «вмешательством», политики и представители гражданского общества должны стремиться к преодолению того, что нас разделяет.

ВЫБОРЫ

Конец эпохи компромиссов

Выборы в Бундестаг не показали однозначных победителей и проигравших — тем сложнее будет сейчас поиск компромиссов между партиями, считает ученый-германист **Артем Соколов**.

Артем Соколов

Немецкая политика в исторической ретроспективе часто бросается из крайности в крайность. Осень 2021 года стала для германской политической жизни периодом нового броска. Полтора десятка лет электоральные кампании ФРГ оставляли ощущение скуки и предопределенности. Эксперты в меру своих сил пытались искать в них следы хотя бы небольшой интриги, но потом довольно быстро прекращали это неблагодарное занятие. Мысль о том, что кто-то в состоянии бросить вызов всецельной Ангеле Меркель, казалась абсурдной. Это не смогли сделать ни социал-демократ Мартин Шульц, на время обогнавший в рейтингах канцлера, ни правые популисты из партии «Альтернатива для Германии», стремившиеся сыграть на наиболее серьезных ошибках Меркель. Все понимали, что одолеть государственного деятеля, определившего образ целой эпохи в истории страны, может только ее собственная усталость от бремени доверия избирателей. Теперь, когда момент этой усталости наконец настал, политический штиль сменился ураганом.

Выборы в Бундестаг 2021 года можно считать самыми важными в истории современной ФРГ. Борьба за власть шла рука об руку с вопросом о том, как будет выглядеть Германия в ближайшие десятилетия. Новому немецкому правительству достанется богатое наследство, которое можно одинаково успешно как промотать, так и приумножить.

После объявления первых результатов голосования в штаб-квартирах основных политических партий Германии ликование чередовалось с задумчивостью. Этому есть свое объяснение. У каждой из партий, принимавших участие в предвыборной гонке, были поводы для радости и грусти.

Да, социал-демократы набрали большинство голосов. Благодаря авторитету их кандидата на пост канцлера Олафа Шольца им удалось вернуть себе наступательную динамику. Еще полгода назад победа на выбо-

Радость победы очень скоро сменится у лидера СДПГ Олафа Шольца на тяжелые размышления о границах компромисса с партнерами по коалиции

рах казалась недостижимой целью, а СДПГ стояла перед угрозой утраты статуса «народной» партии. Теперь Шольц празднует триумф.

Но смогут ли социал-демократы воспользоваться своей победой? Отрыв от консерваторов составляет менее 2%. Голосов СДПГ недостаточно для того, чтобы стать безальтернатив-

мократами, из-за которого СДПГ утратила часть своего идеологического профиля?

В свою очередь, блок ХДС/ХСС получил худший за всю свою историю результат. Внутри партии нет единства мнений о ее будущем. Христианские демократы еще не осознали того, как должна существовать партия без своего «чудо-оружия» — гла-

смотря на слабые позиции, он вполне в состоянии договориться о новой коалиции и с «Зелеными», и с либералами. В конце концов, в бой может вступить баварец Маркус Зедер, которого хотела бы видеть канцлером большая часть консерваторов.

Финишировавшие третьими «Зеленые» имели все основания рассчитывать на более солидный результат. Мечты о первом «зеленом» канцлере в конечном счете уступили место надеждам на неизбежное включение в правящую коалицию на правах младшего партнера. Вряд ли «экологам» стоит списывать такое снижение планки на неопытность своего лидера Аннелены Бербок. Никто из них не оказался готов к той высоте, на которую подняли партийные опросы общественного мнения.

И все же программно-минимум «Зеленые» выполнили. Новое правительство без них едва ли возможно. «Экологи» могут претендовать на влиятельные министерские посты, в том числе на то, чтобы возглавить внешнеполитическое ведомство

ФРГ. Хорошие позиции для продвижения «зеленой» ценностной риторики по всему миру.

Безусловно, радоваться должен Кристиан Линднер. Либералы под его руководством вернулись к почетной, но и ответственной роли «делателей королей». СвДП смогла сохранить голоса избирателей после непростых лет в оппозиции и теперь готова включиться в работу нового правительства. Свободные демократы претендуют на кресло министра финансов, и сейчас их планы выглядят реалистичными.

Однако над либералами довлеет груз противоречивого опыта выборов 2017 года, когда они неожиданно вышли из коалиционных переговоров с христианскими демократами и «Зелеными». В этот раз, вероятно, произойдет ситуация дежавю — и Линднер вновь окажется лицом клишэ с некогда несостоявшимися партнерами из ХДС/ХСС и «Зеленых». Что будет, если ход переговоров его опять не устроит? Вряд ли его однопартийцы оценят повторный демарш.

Новому немецкому правительству достанется наследство, которое можно одинаково успешно как промотать, так и приумножить

вым центром формирования нового правительства. С «Зелеными», допустим, договориться будет несложно, но как быть со столь нужными в этот час либералами, у которых с СДПГ мало общего? Если путь к власти должен сопровождаться набором уступок младшим партнерам, то чем такая власть отличается от опыта «большой коалиции» с христианскими де-

мocrats с неограниченным авторитетом.

Вместе с тем даже той неполной четверти голосов избирателей достаточно, чтобы ХДС остался у руля немецкой политики. Армин Лашет, возможно, и не самый яркий претендент на канцлерское кресло, но ему уже приходилось проявлять чудеса политической выживаемости. Не-

ДЕПУТАТЫ

Госдума осталась без Лаврова

Глава МИД РФ Сергей Лавров не стал уходить из родного министерства в Госдуму, хотя ранее его и включили в первую пятерку федерального списка партии «Единая Россия». Но и без Лаврова, считает обозреватель «Д» **Галина Дудина**, у остающихся там депутатов все же есть шанс проявить себя на внешнеполитическом направлении.

Галина Дудина

Еще в начале сентября президент России Владимир Путин признавался: ему будет «жалко» отпускать в Госдуму министров Сергея Лаврова и Сергея Шойгу. Оба вошли в федеральную часть списка «Единой России», и в расписании главы МИД РФ участвовали поездки по России: Ростов-на-Дону, Калининград, Волгоград. Правда, уже через несколько дней после сентябрьских выборов в Государственную думу стало очевидно, что менять род занятий министр иностранных дел (как и его коллега) пока не собирается.

Но и без участия Сергея Лаврова международная деятельность наряду с законодательной и представительной является одним из главных направлений работы Госдумы. Хотя политический кризис последних лет в отношениях с западными странами и затруднил работу по целому ряду двусторонних направлений. «Обширная программа международных связей Государственной думы сегодня четко вписана в общую канву внешнеполитического курса России и позволяет достойно отстаивать интересы Российской Федерации за рубежом как по линии двусторонних контактов, так и в деятельности международных парламентских структур», — отмечается на официальном сайте нижней палаты. По идее это должно позволить депутатам эффективно принимать законы, касающиеся международного сотрудниче-

ва. Как отметил в интервью «РИА Новости» генеральный директор Российского совета по международным делам Андрей Кортунов, многое при этом будет зависеть и от того, кто будет назначен руководителем международных профильных комитетов Госдумы, Совета Федерации. «Произойдут ли какие-то другие кадровые изменения».

Между тем оценить внешнеполитические амбиции партий можно, заглянув в их предвыборные программы.

«Множатся базы НАТО вокруг России. Уже сточаются санкции. Идет политическое давление», — стучающая краски в КПРФ. Для спасения страны в партии в общих чертах предлагают «укреплять национальную безопасность и позиции России на мировой арене,

«В целом внешняя политика людей устраивает, в отличие от экономики и социальной сферы»

повышать боеготовность вооруженных сил и информационно-технологическую защищенность». Как и другие партии, коммунисты выступают за активную работу с соотечественниками, а также с ближним зарубежьем («братскими народами СССР») и по линии Союзного государства России и Белоруссии. Из конкретных предложений — идея «безотлагательно признать Донецкую и Луганскую народные республики».

Еще более конкретно формулирует свои внешнеполитические планы ЛДПР. Реализация их, правда, представляется еще менее вероятной. Из «100 шагов» предвыборной программы этого года внешней политике уделено пять. Партия предлагает провести

референдумы и ни много ни мало «вернуть все бывшие территории СССР», «ограничить агрессию США» и распустить НАТО, добиться от европейских стран единой с Москвой оценки Второй мировой, а также исключения из ЕС «за дискриминацию русских» Литвы, Латвии и Эстонии (что, по сути, дублирует первый пункт про территории СССР). Единственным умеренным пунктом выглядит предложение ввести безвизовый режим для бизнесменов стран ШОС, АТЭС и БРИКС.

«Настоящий патриот — тот, кто и в военное, и в мирное время отстаивает интересы Родины перед внешним врагом», — отмечает в партии «Справедливая Россия — За правду». В программе партии также делается упор на работу с соотечественниками и немногим аккуртнее — на необходимость признания самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик. Больше к внешней политике социалисты не возвращаются, за исключением призыва ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, согласно которой государствам следует ввести уголовное наказание должностных лиц за незаконное обогащение. Статус этой статьи в РФ иногда воспринимают двояко. С одной стороны, при ратификации в 2006 году этой конвенции соответствующий федеральный закон не упомянул эту статью отдельным пунктом. С другой стороны, в Минюсте отмечают, что вся конвенция ратифицирована целиком, а дополнительное наказание за незаконное обогащение уже прописано в российском антикоррупционном законодательстве.

Несколько более подробными и проработанными выглядят внешнеполитические инициативы «Единой России» и партии «Новые люди». В «Единой России» сухим бюрократическим языком обещают «решительно отстаивать национальные интересы России во внешнеполитической сфере», поддерживать соотечественников за рубежом, развивать интеграционные структуры (ЕАЭС,

Набрав на выборах в Госдуму неожиданно много — почти 19% — голосов, коммунисты остались недовольны итогами и 20 сентября провели митинг в центре Москвы

СНГ, ШОС, БРИКС, ОДКБ) и международную торговлю, бороться с бюрократизированностью и торговыми барьерами и предупреждать гонку вооружений в космосе.

«Если все, чем занимается страна во внешнем мире, продиктовано исключительно эгоизмом „национальных интересов“, — парируют „Новые люди“, — тогда ядерное оружие, членство в СБ ООН и другие атрибуты „абсолютного суверенитета“ неизбежно начинают восприниматься другими как несправедливое конкурентное преимущество. И это дает все больше аргументов тем, кто применяет в отношении России „политику сдерживания“». В партии предлагают: «Из тупика „сдерживания“ есть только один выход. Отказаться от подходов и шаблонов „геополитического“ цинизма: объяснить наконец миру, за какие именно ценности выступает Россия, с кем и в чем мы не согласны, кого мы видим своими союзниками и оппонентами и почему». Для этого, по мнению «Новых людей», нужно развивать общественную и гуманитарную дипломатию, а также контакты с зарубежными СМИ.

Открытым остается вопрос, удастся ли депутатам реализовать эти, в основном до-

вольно размытые пункты. «Избирателям не интересна эта часть программы: на фокус-группах большинство говорит, что в целом нынешняя внешняя политика их устраивает, в отличие от состояния экономики и социальной сферы», — пояснил «Д» президент коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» Евгений Минченко. Об этом же — еще до формального отказа от перехода в Госдуму — говорил и Сергей Лавров. «По подавляющему большинству внешнеполитических вопросов у нас действительно общенациональный консенсус, и это придает нам силы, поскольку наши граждане всегда с пониманием воспринимают то, что мы делаем, и поддерживают то, что мы делаем», — объяснял он. — Я не вижу оснований законодательных или политических, чтобы этот внешнеполитический курс менялся».

В то же время жизнеспособной Евгений Минченко считает идею «Новых людей» — отказаться от агрессивной внешнеполитической риторики: «Есть часть элит, кого это не устраивает. Идею говорить вместо этого на языке интересов мы также тестировали на фокус-группах, и часть респондентов охотно соглашается с тем, что нужно договариваться с другими странами». По словам эксперта, политика, только вошедшие в Думу, теперь могли бы попытаться технически выступить с предложениями в направлении разрядки, начав «с чистого листа».

ЭМИГРАЦИЯ

Афганский синдром

Приход талибов (террористическое движение «Талибан» запрещено в РФ) в Кабул вызвал в Германии потоки критики в адрес ее руководства. Корреспондент «Д» в Берлине **Виктор Агаев** о том, как немецкое общество реагирует на смену власти в Афганистане, и о жизни афганских беженцев в ФРГ.

Виктор Агаев

В ФРГ давно ведутся разговоры о бессмысленно погибших немецких солдатах, выброшенных миллиардах, никчемности попыток построить стабильное, жизнеспособное государство в Афганистане. Ангела Меркель, отвечая на эти обвинения, «напомнила», что немцы пришли в Афганистан в соответствии с уставом НАТО помогать США в борьбе с террористами после 11 сентября 2001 года. «В Гиндукуше мы защищаем нашу безопасность», — объяснял тогдашний министр обороны ФРГ Петер Штрюк. Позже, когда, по словам Меркель, «изначальная цель была достигнута и Афганистан перестал быть центром планирования новых терактов», немцы и впрямь вместе с западными союзниками пытались установить там демократию и обучить армию. Бундесвер временами имел там до 1,5 тыс. человек — второй по величине контингент после американского.

Но к моменту входа талибов в Кабул немцы практически полностью были уже выведены, хотя значительная часть техники и лагерь еще оставались. Там, видимо, все потеряно. Но не это стало сейчас причиной возмущения в немецких соцсетях и вообще в обществе.

Брошенными оказались 10–50 тыс. афганцев, которые на протяжении 20 лет сотрудничали с Бундесвером и немецкими гражданскими гуманитарными организациями. Всем этим людям: переводчикам, проводникам, поварам, водителям, техникам и их семьям — было обещано убежище в ФРГ, но сейчас выехать удалось не более 2 тыс. человек. Оставшиеся, фактически из подполья, постыли в соцсетях просьбы о помощи. Брошенными оказались и неизвестное число

граждан ФРГ — сотрудников разных фирм и организаций. Главы МИДа, Минобороны, Минсоотрудничества публично признали, что неправильно оценивали развитие ситуации, и тут же начали перекладывать вину друг на друга. Прежде всего под обстрелом оказалась разведслужба (BND). Она, однако, тут же дала понять, что не раз предупредила МИД и администрацию канцлера о возможности быстрого падения правительства в Кабуле.

МИД стал уверять, что не мог своевременно начать выдачу афганцам виз, потому что МВД их не подготовило. МВД, в свою очередь, оправдывало это отсутствием политического решения. Политики и чиновники объясняли, что из соображений престижа немцам нельзя было первыми (раньше американцев) уходить из страны и забирать своих местных помощников.

Но в СМИ и соцсетях преобладает уверенность, что политики затягивали их эвакуацию сознательно, чтобы не будить опасные воспоминания о 2015 году, когда в ФРГ «вдруг» оказалось не менее миллиона беженцев и власти на какое-то время полностью утратили контроль над ситуацией.

Брошенными оказались 10–50 тыс. афганцев, которые на протяжении 20 лет сотрудничали с Бундесвером и гуманитарными организациями

Драматические репортажи из кабульского аэропорта пробудили у немцев, наоборот, чувство сострадания, морального дискомфорта, если не вины. Даже лидер АдГ Алиса Вайдель признала, что нельзя бросать тех, кто сотрудничал с Бундесвером. Правда, она тут же добавила, что никаких других афганцев пускать в страну нельзя. Эта позиция широко представлена и в соцсетях. Там идут нервные дискуссии о безопасности, которые подпитываются информацией МВД.

Утолько-только прибывших в немецкий лагерь для беженцев афганцев теперь лишь один вопрос: как сложится их жизнь на новой земле?

Так, в недавно опубликованном отчете «Преступность в контексте иммиграции» за 2020 год МВД пишет, что 14 750 афганцев заподозрены в совершении преступлений. Правда, тут же указано, что в процентном отношении выходцы из Афганистана и Сирии реже совершают преступления, чем иммигранты из Алжира или Марокко. Более того, в среде исламистов афганцы тоже встречаются реже, чем арабы.

«Мы должны очень внимательно смотреть, кто прибывает сюда. Захват власти талибами будет способствовать росту угрозы терроризма», — признал Роберт Хабек, лидер «зеленых», комментируя на днях сообщение о том, что среди новоприбывших афганцев полиция то и дело обнаруживает тех, кого ранее депортировали. По мнению экспертов МВД, не менее 90% депортированных попытаются вернуться.

По расчетам Агентства ООН по делам беженцев (UNHCR), до ЕС доберутся не менее 500 тыс. афганцев. Естественно, далеко не все хотят в Германию, но для многих она привлекательна уже тем, что (по данным UNHCR) здесь существует третья по численности (после Пакистана и Ирана) афганская община — 280 тыс. человек. Практически все они (или их родители) бежали с родины: одни от советской армии в 1980-е, другие от талибов в 1990-е годы, третьи после первого разгрома «Талибана». Очень многие бежали просто в поисках лучшей жизни.

ДИПЛОМАТИЯ

Война — дело долгое

Принято говорить, что урегулирование конфликта в Донбассе зашло в тупик. В случае с Донбассом, считает **Владимир Соловьев**, проблема шире: зачастую сложно понять, в чем же состоит позиция и цель тех, кто ведет переговоры о мире.

Владимир Соловьев

Ощущение бессмысленности переговоров по Донбассу появляется даже у тех, кто внимательно за ними следит. В июле 2020 года было объявлено о согласовании бессроного перемирия. Контактная группа, в работе которой участвуют непризнанные ДНР и ЛНР, Киев, Москва и ОБСЕ, преподнесли это как большое достижение. Тишина продержалась недолго, и вскоре война вернулась. Попытки контактной группы остановить стрельбу проваливаются одна за другой и заканчиваются взаимными обвинениями сторон в нежелании двигать мирный процесс вперед.

Буксуют и переговоры в «нормандском формате». Германия, Россия, Украина и Франция с ноября прошлого года пытались договориться о выполнении Минских соглашений. Переговорщики обсуждали так называемые кластеры. Замысел был в том, чтобы из разных позиций и взглядов сторон все же склеить пошаговый план и начать движение по нему. Прошел почти год, и кластеры уже никто не обсуждает. С августа появилась новая тема: представители Берлина, Парижа, Москвы и Киева занимаются согласованием

проекта итогового документа саммита в «нормандском формате».

Собрать в Германии лидеров «четверки» до ухода из большой политики хотела бы немецкий канцлер Ангела Меркель. Она была в числе тех, кто работал над текстом Минских соглашений, и уделяла много времени и внимания конфликту на востоке Украины. С августа глава офиса украинского президента Андрей Ермак, замглавы кремлевской администрации Дмитрий Козак, а также представители Германии и Франции Пьер Гейбаур и Эммануэль Бонн занимаются согласованием проекта итогового документа будущего саммита.

При этом вероятность встречи «нормандской четверки» на высшем уровне оценивается как очень низкая. Во всяком случае, такое мнение распространено среди российских переговорщиков. Они исходят из того, что проводить новый саммит, в то время как не выполнены решения предыдущего, который состоялся в декабре 2019 года в Париже, — это странная и бессмысленная затея. И тем не менее все пытаются согласовать проект итогового документа. Работать над итогами встречи, которая может не состояться, — процесс странный сам по себе. Попутно переговоры вскрывают другие странности, о которых можно судить по осознанно организованным утечкам в прессу.

Анонимный украинский переговорщик сообщил, что во время работы над проектом текста итогов саммита Москва «упорно пыталась снять с себя ответственность за конфликт с Украиной, вновь выступая за то, чтобы вписать в итоговый документ саммита сепаратистов Донбасса как

Суждено ли им договориться? На фото: Владимир Зеленский, Ангела Меркель, Эммануэль Макрон и Владимир Путин во время переговоров «нормандской четверки»

вторую сторону конфликта». Но, резюмирует источник, у российской стороны ничего не вышло.

Инсайдер с российской стороны рассказал, что представители Украины, Германии и Франции сначала не были против того, что Минские соглашения — единственная основа для урегулирования конфликта. Но потом, по его словам, отказались закреплять в проекте итогового документа «географическую дислокацию конфликта, его характер и стороны

конфликта, на которые Минскими соглашениями возложены обязательства по его урегулированию». Обе версии переговоров иллюстрируют не новое противоречие. Киев считает войну в Донбассе конфликтом с Россией, а Москва — внутреннеукраинским делом. Однажды добившись того, что в Комплексе мер по выполнению Минских соглашений договаривающимися сторонами названы Украина и непризнанные республики Донбасса, не намерена поступаться этой дипломатической победой, к тому же подкрепленной резолюцией ООН №2202 от 17 февраля 2015 года.

Вроде бы все позиции понятны. Но именно здесь возникает путаница. Тот же российский инсайдер сообщает, что Козак предлагал Франции, Германии и Украине однозначно изложить и зафиксировать на бумаге свою позицию о сторонах конфликта. Но, продолжает он, их представители, а также глава офиса украинского президента Андрей Ермак высказали устную позицию, что конфликт является международным и происходит между Россией и Украиной, оговорившись, что эта информация не должна покидать «узкий круг» переговорщиков и не подлежит фиксации в проектах документов.

Если анонимный переговорщик говорит правду, возникает вопрос: почему Киев, который, во-первых, считает Минские соглашения в сегодняшнем виде невыгодными для себя, а потому невыполнимыми, а во-вторых, хочет, чтобы роль России была оформлена в виде воюющей с Украиной стороны, не согласился на предложение Дмитрия Козака?

Разъяснений Киева на этот счет нет. И точно так же сложно понять, как Украина на самом деле относится к Минским соглашениям. С одной стороны, в Киеве говорят о приверженности урегулированию конфликта в соответствии с Минскими соглашениями. А с другой — 3 сентября Алексей Арестович, советник делегации Киева в контактной группе и советник главы офиса украинского президента, заявил: Украина наконец снялась с «крючка» Минских соглашений. Так он заочно ответил министру иностранных дел России Сергею Лаврову. Господин Лавров, напомним, комментируя ход переговоров по Донбассу, говорил о том, что президент Зеленский и вся его команда «извиваются», пытаются

сняться с «крючка» подписанных в 2015 году соглашений и добиться их пересмотра.

17 сентября Арестович, комментируя участие жителей Донбасса в выборах в Госдуму, высказался еще резче: «Это грубое нарушение международного права, национального права Украины и практически отмена Минских соглашений с российской стороны. Потому что более разрушительного процесса, который разрушает Минские соглашения, тяжело себе представить».

После такого высказывания вроде бы должен последовать выход из соглашения, но этого не произошло. В итоге не понятно, где должна стоять запятая во фразе «заморозить нельзя урегулировать».

Впрочем, есть достаточно ясных сигналов о том, что Москва готовится играть за Донбасс вдолгую. Самый серьезный из них — недавние договоренности непризнанных ДНР и ЛНР о том, чтобы убрать таможенно на совместном участке границы, создать единый рынок и в целом синхронизировать гражданское, таможенное и налоговое законодательство двух республик. В результате из двух республик, по сути, получится одна, что упростит управление этими территориями. Целью этого может быть создание в Донбассе аналога Приднестровья, где давно налажен быт, решены вопросы безопасности и построена собственная экономика, позволяющая при российской поддержке в виде бесплатного газа и финансовой помощи поддерживать пусть невысокий, но стабильный уровень жизни местного населения.

ИНТЕРВЬЮ

«Кто бы ни стал новым канцлером, прагматизм возобладает»

В беседе с корреспондентом «Д» **Фемидой Селимовой** исполнительный директор Восточного комитета германской экономики **Михаэль Хармс** (на фото) рассказал о том, как чувствует себя немецкий бизнес в России, о санкциях и ожиданиях от будущего немецкого руководства.

— В условиях взаимного политического отчуждения между Германией и Россией экономические отношения остаются одним из немногих активных мостов. Что помогает бизнесу сохранять оптимизм в непростых текущих условиях?

— Само собой, большие, стратегические проекты подвержены влиянию политики. Они, конечно, страдают. Особенно те проекты, которые нацелены в будущее. Но, я думаю, бизнес тем и отличается, что он все-таки всегда мыслит не только рисками и старается не думать так, чтобы получилось. — Но в нашей ситуации — это иногда верить в невозможное.

— В немецком языке одно слово «предприниматель» — «unternehmer», как и в русском, говорит само за себя. Он что-то предпринимает, что-то делает, он всегда активен, ищет возможности и выходы. Несмотря на все политические проблемы, у нас в России отличный диалог со всеми министрами, с вице-премьерами, с правительством. Мы всегда можем обратиться к ним с актуальными проблемами.

— Говоря про условия для бизнеса, как чувствует сейчас себя немецкий бизнес на российском рынке? Насколько деловой климат в России сейчас благоприятен?

— Разумеется, санкции — это очень неприятно, и они оказывают негативное воздействие. Но если взглянуть на конкретные отрасли, где действуют санкции, то можно заметить, что это все-таки очень небольшой сегмент наших отношений.

Другое дело, что из-за пандемии рынок пострадал во всех странах. Но по сравнению с другими как раз в России снижение ВВП было относительно небольшое. Поэтому немецкий бизнес в РФ пострадал не так сильно. В этом году мы видим очень хорошее и сильное восстановление, которое началось еще в 2020-м.

— После введения антироссийских санкций некоторые немецкие компании покинули российский рынок. Какие именно причины подтолкнули их к этому?

— Важно, что о массовом исходе немецких фирм говорить не приходится. Общее их количество в России действительно сократилось. По нашим оценкам, это были в основном какие-то очень мелкие, чисто торговые фирмы. Я не знаю ни одной более или менее крупной компании, которая покинула бы российский рынок. Наоборот, я бы даже сказал, что для германского бизнеса открылись новые возможности. Очень интересна такая тема, как цифровая индустрия 4.0. Да и бизнес в сельском хозяйстве хорошо развивается.

— В последние годы все больше немецких компаний открывают свои производства на территории России. Чем объясняется такой тренд? Благодаря чему это происходит?

— Если ты открываешь производство на месте, то экономишь на логистике, поскольку ты ближе к потенциальному клиенту, плюс экономишь на оплате труда. С одной стороны, это естественный процесс. Конечно же, немаловажную роль играет и поддержка со стороны российского государства. В Москве и других регионах страны в последние го-

ды созданы очень хорошие рамочные условия для размещения производства. Российские региональные власти очень активно пытаются привлечь иностранных инвесторов: они выдают определенные субсидии, предоставляют участки, строят индустриальные парки.

— Прошло семь лет с момента введения санкций, они продлеваются каждые полгода. Тем временем европейский бизнес, да и российский тоже, несет колоссальные потери. Признают ли в ЕС и Германии, в частности, неэффективность санкций как рычага давления на Москву?

— Наша принципиальная позиция на этот счет такова: мы очень критически относимся ко всякого рода

Мы очень критично относимся ко всякого рода экономическим санкциям

экономическим санкциям. В то же время, будучи реалистами, понимаем, что, наверное, есть ситуации, когда такой инструмент необходим. И он — прерогатива политики. При этом есть два условия, которые абсолютно необходимы для введения подобных ограничительных мер. Во-первых, санкции надо вводить по очень конкретным обвинениям или причине. Нельзя просто так сказать: «Нам не нравится ваше поведение, и мы сейчас введем против вас санкции». Во-вторых, должны быть

четкие критерии того, как потом выходить из санкций. Скажем, если будет достигнут вот такой-то конкретный результат, то мы эти санкции отменим. В случае с Россией я бы сказал, что в целом эти два критерия были соблюдены. Санкции вводились из-за войны на востоке Украины и аннексии Крыма. Другое дело, насколько санкции действительно могут изменить поведение и насколько действительно здесь только Россия ответственна за реализацию минских договоренностей — это очень сложный и комплексный внешнеполитический вопрос.

— Достигнутое соглашение с американской администрацией — это больше заслуга немецких политиков или бизнеса?

— Это действительно заслуга немецких политиков и в первую очередь госпожи Ангелы Меркель. Они проявили большую стойкость. Я хотел бы отметить, что в российской прессе иногда можно прочитать, что Германия слепо следует политике Вашингтона, получает оттуда какие-то указания, которые она тут же выполняет. Однако же на данном примере мы прекрасно видим, что это отнюдь не так. Давление на немцев, особенно во время Трампа, было колоссальным — оно все еще сохраняется. Однако, несмотря на прессинг, огромные препятствия и встречный ветер внутри ЕС, федеральное правительство осталось на своей позиции и сумело отстоять проект. Важный фактор — объективная правда: любой человек, который беспристрастно смотрит на этот проект, понимает, что он служит для снятия напряженности в наших отношениях. Мне совершенно не нравится аргумент противников газопровода о какой-то зависимости от России. Наоборот, здесь налицо взаимозависимость, и она как раз помогает нам укрепить политическое сотрудничество.

— Представители германских деловых кругов традиционно встречаются с российским президентом Владимиром Путиным. Как часто удается получить положительный отклик на какие-то просьбы, найти подходящее решение?

— Эти встречи проходят в очень прагматичном формате. Там есть и открытая часть, за которой можно наблюдать. На закрытой же части, могу вам сказать, разговор идет не о высокой политике, как это может казаться со стороны, а об экономике, о стратегических проектах, о рамочных условиях и насущных проблемах, которые волнуют предпринимателей. Помимо президента на них присутствуют и ключевые министры экономического блока, представители крупного российского бизнеса. Что очень удобно, поскольку некоторые готовые решения принимаются уже на месте и по ним даются соответствующие поручения. Конечно же, это очень помогает нам.

— Одна из сфер стабильного германско-российского сотрудничества — энергетика. Какими вам видятся возможности двустороннего сотрудничества в этом направлении?

— Мы выступаем за то, что наше двустороннее энергетическое парт-

нерство нужно развивать вместе с сотрудничеством в климатической сфере, то есть в единой связке «климат и энергетика». У России своя собственная стратегия по декарбонизации. Российское правительство разработало свою стратегию по водороду.

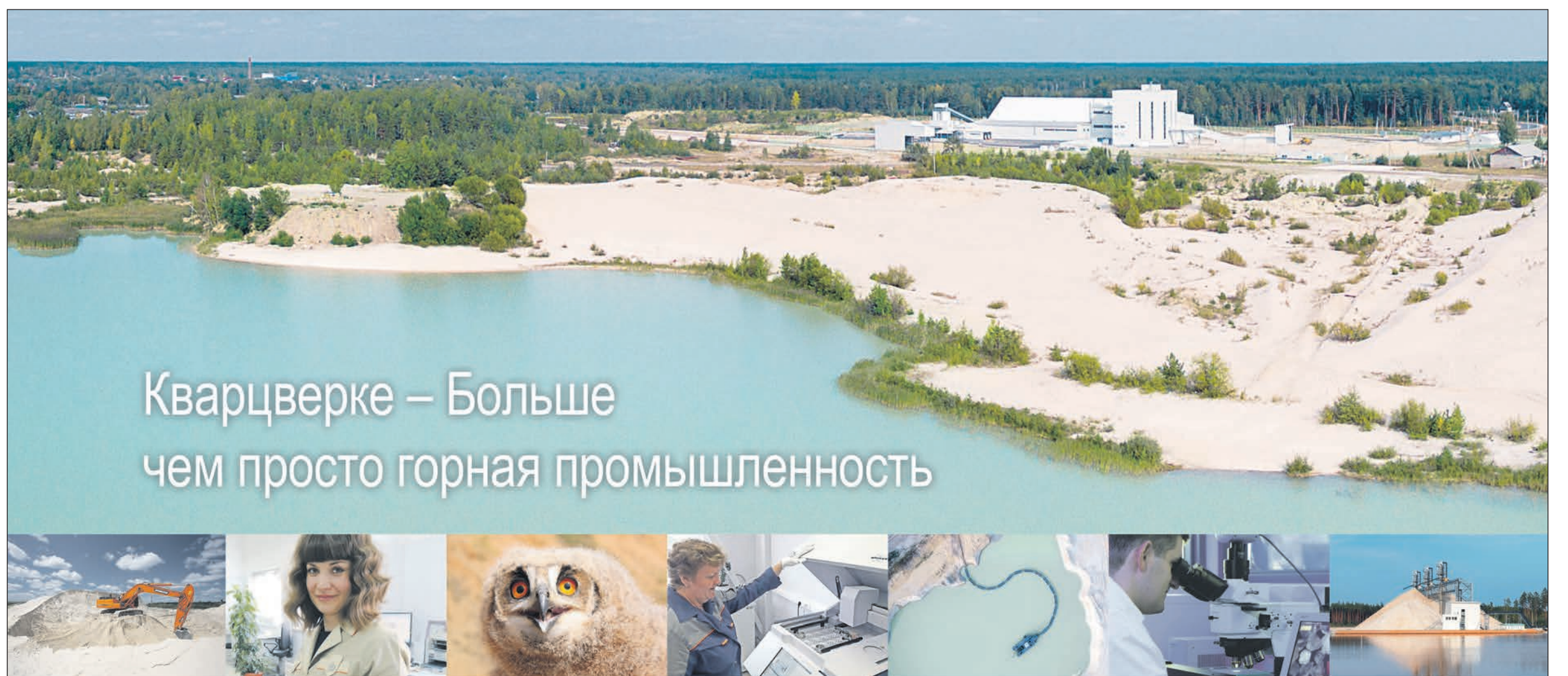
— Год назад в Москве при Германско-Российской ВТП была создана двусторонняя рабочая группа по водороду. Каковы практические результаты этого?

— Каких-то больших проектов пока нет. Но это совершенно понятно, поскольку и в самой Германии их пока почти что нет. Сейчас создаются необходимые условия. И главным здесь становится регулирование. Должен сказать, что здесь имеются некоторые противоречия. Германия в первую очередь делает ставку на «зеленый» водород, а у России больше потенциала в сфере «голубого» водорода. Мы вместе с энергетическими компаниями придерживаемся мнения о том, что хотя бы в переходный период голубой водород должен быть обязательно использован. Насколько Еврокомиссия согласится на это, пока трудно сказать. Сейчас вокруг этой темы ведутся очень интенсивные дискуссии. Так же, как и, между прочим, по поводу водорода, который производится из ядерной энергии. Франция выступает за то, чтобы и его включить в низкоуглеродные источники, а Германия против этого. Мы же здесь полностью открыты и я думаю, что при любом развитии событий совместные проекты в области водорода у нас, конечно, будут.

При активной поддержке и участии Восточного комитета в прошлом году был создан Германско-Российский совет предпринимателей, а также дан старт российско-германскому тематическому году «Экономика и устойчивое развитие 2020–2022».

— Что вы ожидаете от будущего немецкого канцлера в отношениях с Москвой?

— Понимаете, новый канцлер может ставить какие-то акценты, может как-то пытаться влиять, но немецкая внешняя политика всегда будет идти в фарватере политики Брюсселя. Должен отметить, что госпожа Меркель здесь сыграла очень позитивную роль, предложив вместе с французским президентом Эммануэлем Макроном провести саммит-встречу с Владимиром Путиным. Жаль, что это предложение не нашло широкой поддержки. Считаю, что это был очень правильный шаг. Независимо от того, кто займет кресло канцлера, прагматизм все-таки возобладает.

Кварцверке – Больше чем просто горная промышленность

- Устойчивое развитие как перспективный образ предприятия
- Надежное снабжение ключевых отраслей промышленности промышленными минералами
- Инновационные продукты - традиционные ценности
- Социальная ответственность за работников и соседей
- Награда за мероприятия по сохранению биоразнообразия

Quarzwirke
СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ С 1884 ГОДА

www.quarzwirke.com

1990 год. На заре политической карьеры в ГДР

2000 год. Ученица Гельмута Коля оказалась так талантлива, что подвинула его с поста главы партии

Всегда первая

2002 год. Герхард Шрёдер с интересом наблюдал за Меркель, пока она не выиграла у него пост канцлера

2010 год. Визит Дмитрия Медведева в замок Мезеберг закончился прогулкой

Ничто футбольное канцлеру не чуждо

На заседании «восьмерки» (2007 г.) Ангела заговорила Владимира и Джорджа

Редкий снимок с мужем — профессором Йохимом Зауэром

ПОРТРЕТ

СЛИШКОМ СИЛЬНА И СЛИШКОМ СЛАБА

>> стр. 1

В международном контексте усиливаются противоречия. Отношения между Западом и Россией трещат по швам, США и КНР увязают в конкуренции систем, которая ведется все более ожесточенно. На Ближнем Востоке НАТО безрезультатно пытается не только бороться с терроризмом, но и содействовать укреплению молодых демократических государств. Сирия погружается в пучину гражданской войны, Афганистан оказывается под контролем талибов (террористическое движение «Талибан» запрещено в РФ). Северная Африка превращается в транзитную зону для первой масштабной волны беженцев, покидающих родные края вследствие изменения климата, голода и гражданских войн.

Ангела Меркель (надо полагать, не случайно) поделилась с общественностью одной историей из своего детства: однажды на уроке физкультуры она достаточно долго стояла на трехметровом трамплине и прыгнула, только когда раздался

звонок на перемену. Ни секундой раньше, но при этом в тот последний момент, когда прыжок мог быть засчитан. Меркель неспроста выбрала этот сюжет, в котором заключается самоинтерпретация ее главнейшего принципа управления государством: склонность к колебаниям. Канцлер демонстративно распилась в якобы слабости, которую сама она воспринимает как свою сильную сторону — умение выждать. «Если я найду время, чтобы сформировать собственное мнение, то впоследствии мне не придется раскаиваться», — объясняет она. В разгар финансового кризиса Меркель не спешит принимать пакет мер по оживлению конъюнктуры, во время кризиса евро — спасти Грецию, во время кризиса мигрантов — вступать в переговоры с Турцией.

Но в конечном итоге она всегда решает, когда раздастся звонок.

И остальные могут не сомневаться, что это произойдет. «Германия слишком сильна, чтобы раствориться в европейских структурах, и слишком слаба, чтобы навязывать другим свои представления

о правильной политике» — так описывает журналист Штефан Корнелиус внешнеполитическую дилемму страны. Канцлер стала первым немецким политиком, нашедшим решение. В отличие от Гельмута Коля, продвигавшего европейскую интеграцию исключительно в разрезе германо-французской дружбы, равно как и от Герхарда Шрёдера, при котором Федеративная Республика воспринималась как некий самостоятельный крупный бриллиант в короне ЕС, Меркель берет на себя функции мировой телефонной станции, которые ей никто не навязывал. Посредническая и объединяющая роль становятся ее миссией. В условиях финансового кризиса и кризиса евро в 2008–2015 годах она явно без энтузиазма берет в свои руки штурвал, а во время кризиса мигрантов в 2015 году Меркель убеждается, что очень быстро теряет ведущую роль, когда Германия оказывается в цейтноте. В отличие от своего предшественника Герхарда Шрёдера, Ангела Меркель готова нести политические и финансовые издержки, связанные с такой ролью.

Мечты о новой, успешной и дружелюбной Германии, уважающей интересы своих партнеров, в 2006 году обретает свои очертания не столько в политике, сколько в другой, совершенно неожиданной сфере. ЧМ-2006 по футболу немцы называют не иначе как «летней сказкой». Германия демонстрирует гостеприимство, способность вдохновлять, жизнерадостность, а под конец еще и умение честно проигрывать. Ангела Меркель открывает для себя гражданское общество, профессиональный футбол, культуру в целом и даже культуру потребления пива, которые должны помочь показать миру новую картину Германии. Еще в студенческие дни она увлеклась футболом — такой аргумент Меркель приводит, желая развеять подозрения, будто она отправляется на стадион исключительно в силу стратегически-канцлерских соображений. И тем не менее соблазн «имиджевого трансфера» слишком велик, чтобы воздержаться от спонтанного визита в раздевалку сборной. Такой, победной и гостеприимной, свежеспеченная канцлер хочет назвать

свою страну, и аналогичного эффекта она рассчитывает добиться в 2015 году, когда в Германию направляются сотни тысяч беженцев из Сирии. На этот раз это ей не удастся. Германия все-таки не до конца соответствует идеалам своего канцлера.

Впрочем, Ангела Меркель не имеет обыкновения ни бурно радоваться, когда удается поспособствовать выработке консенсуса, ни воспринимать неудачи как личные поражения. Доктор естественных наук давно поняла, что жизнь в целом подчиняется закону сохранения энергии: ничто не теряется, в конечном итоге все компенсируется, будь то восторги или критические оценки, победы или поражения.

Два года спустя после неожиданного успеха Меркель на выборах, при председательстве Германии в Совете ЕС в 2007 году, обсуждаются условия Лиссабонского договора. По сути, документ имеет чисто процессуальный характер — у ЕС не появилось ни гимна, ни общего флага, ни даже единого министра иностранных дел. И тем не менее благодаря Лиссабонскому договору Европей-

ский союз, состоящий уже из 27 государств-членов, сохраняет работоспособность. Это тоже большой успех, считает канцлер. Она как бы замечает следы: то, что подписание нового договора происходит в Лиссабоне, а не в Берлине, не идет в разрез с желаниями немецкого политика с как будто застывшим выражением невинности на лице. «Еще никогда Германия не была для нас таким добрым соседом», — вздыхает бывший глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, прощаясь с «вечным канцлером».

Решения в стиле Меркель редко отличаются элегантностью, зато они жизнеспособны. В этом и заключается ее легенда. И будет хорошо, если преемникам Меркель удастся спроецировать ее персональную репутацию сначала на институт канцлерства, а затем и на Германию в целом.

Урсула Вайденфельд — журналист, автор книг. В августе в берлинском издательстве Rowohlt вышел ее бестселлер «Канцлер. Портрет эпохи». В 2007 году Вайденфельд получила Премию имени Людвиг Эрхарда за экономическую публицистику.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

«Падение стены Горбачев встретил с облегчением»

Помощник и последний пресс-секретарь президента СССР **Андрей Грачев** в интервью **Виктору Лошаку** вспоминает о последних днях Михаила Горбачева у власти, его реакции на падение Берлинской стены и размышляет о сегодняшнем отношении к перестройке.

— В этом году 30-летие многих важнейших событий, в том числе ухода Михаила Горбачева от власти. Как прошел последний день Михаила Сергеевича в Кремле?

— День этот Михаил Сергеевич провел со смешанными чувствами. С одной стороны, это был повод для подведения итогов преобразований и перемен, которые пережили наша страна и мир за несколько лет, отведенных перестройке. Перемен, которыми их инициатор Горбачев мог по праву гордиться.

Всего за неполных семь лет удалось политическими средствами демонтировать тоталитарный режим, опиравшийся на репрессии и подавление личных свобод граждан и изолировавший нас от остального мира.

В международном плане был положен конец Холодной войне, грозившей всему миру ядерной катастрофой, бессмысленной гонке вооружений, разрушавшей нашу экологию, и авантуре афганской войны. Но повода праздновать не было, потому что реформы не были доведены до конца, люди не ощутили в повседневной жизни результатов от политической «революции обещаний», а огромная многонациональная страна начала распадаться.

Кроме того, Горбачев уходил в отставку не по своей воле, а под давлением тех процессов, которые сам запустил и над которыми утратил контроль. Так что в личном плане для него как для политика этот день был не лучшим.

— Известно, что день этот в Кремле закончился ужином самых близких к Горбачеву соратников. Вы были в их числе. Вспомните, пожалуйста, о чем говорили?

— Ужин отразил всю эту гамму чувств. После своего телевизионного заявления об отставке и переда-

чи Ельцину через маршала Шапошникова «ядерной кнопки» (вопреки договоренности, Ельцин отказался сам приходить за ней к «бывшему президенту») Горбачев собрал в Ореховой гостиной рядом со своим кабинетом узкий круг: Анатолия Черныева (помощник президента СССР — «Д»), Александра Николаевича и Егора Яковлевых (А. Яковлев — член Президентского совета, Е. Яковлев — руководитель Всесоюзной государственной телерадиокомпании — «Д») и меня.

Было понятно, что в этот вечер ему не хотелось оставаться одному. Ведь никакой церемонии проводов президента не было запланировано, да и никто из лидеров бывших союзных республик, ставших благодаря ему президентами независимых государств, ему даже не позвонил. Знали, что о таких звонках донесут Ельцину, и предпочитали не раздражать нового «босса».

Мы тоже не хотели оставлять его одного в эти трудные часы. Разговор поэтому шел в основном о том, что удалось сделать и удастся ли это закрепить. Конечно, упоминали, что впереди много неопределенности, что Ельцин непредсказуем и может

начать сводить с Горбачевым личные счеты. В то же время преобладала атмосфера осторожного оптимизма. Хотелось верить, что основные перемены, произведенные в стране и в мире, необратимы и назад отката не будет.

Михаил Горбачев с Андреем Грачевым (в центре) на одной из встреч

— Близкая вам тема отношения Горбачева и медиа. Какой путь они прошли и в чем его итог?

— Даже если отношения со СМИ у Горбачева менялись в зависимости от политической атмосферы в стра-

не, не менялось главное: убежденность в том, что медиа — это необходимый элемент гражданского общества, что ими можно пользоваться как политическим инструментом, но нельзя командовать. Не будем забывать, из чьих рук они получили отмену Агитпропа, цензуры и Закон о печати. На первом этапе перестройки «управляемая» гласность вообще была едва ли не основным инструментом политических реформ. Позже, когда медиа осмелели, перестали играть обслуживающую роль и стали отражать плюрализм общества, давать слово оппозиции и критиковать власть, это не могло не сказаться на реакции Горбачева. Он мог даже говорить, что пресса, обязанная перестройке свободой слова, его «предала». Но выходок в духе Трампа он себе не позволял.

— На момент начала и первых лет перестройки вы занимали довольно высокую должность заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС. Как смотрели ваши коллеги по Центральному комитету на то, что вы стали членом со-

вета учредителей оппозиционных «Московских новостей»?

— В Международном отделе даже в брежневские времена для сотрудников считалось допустимым выступать в печати, особенно в СМИ, ориентированных на за рубеж: «Новое время», «Московские новости». Конечно, в эпоху перестройки все изменилось, и «Московские новости», особенно с приходом Егора Яковлева, стали авторитетным органом гласности внутри страны. К этому времени я уже работал в команде Александра Николаевича Яковлева и под его прикрытием мог не опасаться позволить себе некоторые вольности и отступления от аппаратной дисциплины. Да и кто сказал, что «Московские новости» были в это время оппозиционной газетой? Оппозиционной к чему? И с чьей точки зрения? Разве что Лигачева. Вы же видите, кто был среди «званных» гостей Горбачева на последнем ужине (всю перестройку главным редактором МН был Егор Яковлев. — «Д»).

— И через 30 лет нет однозначного ответа на вопрос: устоял бы СССР, если бы не путч? А вы как считаете?

— Ответ придется разделить. Да, как считает сам Горбачев, если бы он оставался в Москве и новый союзный договор был бы подписан 20 августа, на что тогда соглашались президенты девяти республик, включая Ельцина, организаторы путча не решились бы на свою авантюру и формально Союз был бы сохранен. Но на сколько времени? Кроме того, это был бы уже другой конфедеративный Союз, то есть оболочка прежнего, жестко централизованного имперского государства, созданного большевиками. Сколько времени он смог бы существовать в форме Евросоюза или Швейцарской Конфедерации?

Не будем забывать, что уже в мартовском референдуме 1991 года, на который ссылаются критики Горбачева, не участвовали 6 из 15 республик. А восстанавливать Союз силой по сталинской модели или танками по-китайски, как хотели путчисты, Горбачев был все равно не стал.

— Как встретил Горбачев новость о падении Берлинской стены?

— Думаю, что падение стены Горбачев встретил с облегчением. Ведь в новом мировом ландшафте после окончания Холодной войны и с надеждами на создание общеевропейской системы безопасности вместо военных блоков стена выглядела как «гнилой зуб», оставшийся от прежней эпохи. Разрушать ее самим, как требовал от Горбачева Рейган, было бы неподручно. Лучшее

всего было предоставить это самим немцам и, главное, не защищать ее нашими танками.

— Важна ли была для Горбачева мораль в политике?

— Безусловно. В этом тоже он отличался от своих предшественников. Хотя не будем преувеличивать. Он был политиком, а не проповедником или моралистом и поэтому заботился прежде всего о результатах. Просто он считал (может быть, наивно), что моральная политика в конечном счете более результативна. А результатов он добивался не проповедями, а используя тактику, идя, когда нужно, на компромиссы, «петляя» и «заметая следы». Но не теряя главного направления и заботясь о том, чтобы избежать гражданского конфликта и применения силы.

— В России многие считают, что при Горбачеве страна пошла «не туда», потеряв прежнюю мощь и доминирование.

— Что значит «в России»? Если речь идет об опросах, то они ведь отражают мнение тех, кто забыл, как жил в Советском Союзе, или родился позже и не жил в нем вообще, а уж в Китае или Северной Корее — тем более. И «куда именно» должна была бы пойти другая политика, чтобы сохранить советскую «мощь» и доминирование? Оставаться в Афганистане, чтобы бежать оттуда, как сегодня американцы, положив там еще несколько тысяч наших ребят? А может быть, кормить и дальше за счет уровня жизни собственного населения наших «друзей» по всему миру и собственный ВПК, состязаясь одновременно и с Америкой, и с Китаем?

— В разное время Горбачев раздразнил власть своими заявлениями. Не стоило ли ему быть ближе к нынешней власти, чтобы оказаться полезнее стране и реформам?

— Честно говоря, я предпочел бы, чтобы нынешняя российская власть больше задумывалась о том, не слишком ли далеко, а главное — куда она уводит страну от целей, обозначенных перестройкой и тем уровнем свободы, на которую Россия получила право впервые в своей истории. Да и о каких «реформах» вы упоминаете, может быть, конституционной?

— Вы автор нескольких книг о Горбачеве и перестройке, а сейчас заканчиваете новую. О чем она будет?

— Я действительно заканчиваю книгу для издательства «Эксмо» с воспоминаниями о том, что происходило в Кремле и за его стенами 30 лет назад, и, главное, с попыткой ответить на вопрос, почему все кончилось, «как всегда». Или еще не кончилось? — Я бы ответил, что нет.

Мы решаем сегодняшние и будущие задачи в тесном и экологически ответственном партнёрстве в области модернизации и технологическом развитии транспортных систем.

«A passion for transportation solutions»

ПАРАДОКСЫ

Никто не хотел объединяться

В течение недолгого времени между смертью Сталина и окончательным приходом к власти Хрущева Лаврентий Берия хотел объединить две Германии. В некоторых исторических исследованиях это уже выдается как аксиома. Историк и публицист **Леонид Млечин** разобрался в том, что же было на самом деле.

Леонид Млечин

Летом 1953 года в Восточном Берлине начались события, которые потрясли основы ГДР: против коммунистической власти восстали недовольные своей жизнью рабочие, опора власти! В Москве встревожились. 2 июня пригласили для серьезного разговора генерального секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Вальтера Ульбрихта, главу правительства Отто Гротевольда и члена политбюро Фреда Эльснера, недавнего руководителя отдела партийной учебы, культуры и воспитания ЦК СЕПГ (он же и переводил беседу).

Загадочная сталинская нота

Делегация из ГДР увидела, что после смерти Сталина в Советском Союзе происходят большие перемены. Больше нет вождя, который принимает все решения. Члены президиума ЦК КПСС подчеркнуто держатся на равных, все обсуждают и спорят между собой.

Разговор был неприятным для восточных немцев. Позднее глава советского правительства Георгий Маленков рассказывал: — В результате неправильной политики в ГДР наделано много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство. Население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию. Мы обязаны признать, что без советских войск существующий режим в ГДР непрочен. А вот Берия предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию.

Маленкову вторил первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев: — Берия говорил: «Надо создать нейтральную демократическую Германию». Но разве может быть нейтральной и демократической буржуазная Германия? Берия говорил: «Мы договор заключим». А что стоит этот договор? Если договор не подкреплён силой, то он ничего не стоит, над нами будут смеяться, будут считать наивными. А Берия не наивный, не глупый, не дурак. Он вел себя не как коммунист, а как провокатор, может быть, он получал задания резидентов иностранных разведок...

Принято считать, что член президиума ЦК, первый заместитель председателя Совета министров СССР и министр внутренних дел Берия хотел ликвидировать Германскую Демократическую Республику, цитируют его слова:

— Незачем заниматься строительством социализма в ГДР, необходимо, чтобы Западная и Восточная Германия объединились в буржуазное, миролюбивое государство.

В реальности Лаврентий Павлович всего лишь пытался продолжить двойственную сталинскую линию в германском вопросе.

Сталин выдвигал лозунг единства Германии, рассчитывая сохранить решающий голос в определении судьбы всей страны и доступ к промышленным зонам в западной зоне оккупации. Он долго не позволял восточногерманским коммунистам строить социализм, потому что не терял надежды контролировать всю Германию.

18 декабря 1948 года Сталин ввухал восточногерманским коммунистам:

— Надо подождать. В Германии обстановка сложная, надо идти к социализму не прямо, а зигзагами. В этом своеобразные задачи. Никакой экспроприации пока не нужно, не созрело это дело. Не нужно и никаких постановлений, прямо бьющих по голове капиталистические элементы. Вы ослабите себя этим. В деревне тех кулаков, которые выполняют натуральный налог, пока не трогать. Надо сосредоточить сейчас внимание на вопросах единства Германии, мирного договора, снижении цен, повышении заработной платы. Это объединяет всю Германию, а в этом самое главное. Почему я предлагаю эту оппортунистическую политику? Потому что вы еще не стоите у власти и в Германии нет единого государства.

Он согласился создать социалистическую ГДР только 7 октября 1949 года — через четыре с половиной месяца после появления ФРГ.

А 10 марта 1952 года Москва неожиданно предложила правительству США, Англии и Франции подписать мирный договор, согласованный с общегерманским правительством, которое должно быть образовано совместными усилиями. Советскую ноту от 10 марта, которую принято называть «нотой Сталина», первый заместитель министра иностранных дел Громыко вручил американскому, британскому и французскому послам в Москве.

Что именно предлагалось

Андрей Андреевич объяснил: Германия восстанавливается как единое, независимое, демократическое, нейтральное и миролюбивое государство. Все оккупационные войска выводятся. Германия даже получает право создать собственную армию.

Первая сессия Верховного совета СССР. Здесь Хрущев и Берия (сидят в центре) еще соратники по сталинскому политбюро

Но с одним условием: «Германия обязуется не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Германии».

«Берия предлагал... отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию»

Предложение провести общегерманские выборы и создать единую, нейтральную, демилитаризованную Германию было попыткой помешать включению ФРГ в западный военно-политический блок. Предложение Сталина означало бы разрушение НАТО. Американским войскам, которые располагались на территории Западной Германии,

пришлось бы отправиться домой. А западным европейцам хотелось, чтобы американские солдаты оставались на континенте и гарантировали их безопасность. И ФРГ включили в НАТО, чтобы она больше не представляла опасности для соседей. Эта мысль и позже не покидала политиков Старого Света: НАТО держит Германию в надежном корсете.

ГДР как предмет борьбы

Берия в июне 1953 года вручил немцам документ «О мерах по оздоровлению положения в Германской Демократической Республике». Рекомендовалось, в частности, наладить отношения с ФРГ и вести дело к созданию объединенной, демократической и нейтральной Германии.

Но руководители ГДР в реальности нисколько не желали объединения Германии. Если обычные немцы плохо понимали, почему живут в разделенной стране, и не могли смириться с мыслью о том, что отныне невозможно повидать родных и друзей, то истеблишмент по обе стороны межзональной границы, как правило, был противником объединения.

И для первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра объединение Германии не было таким уж важным. По понятной причине. Он не понимал, как можно объединить социализм с капитализмом. Идея единого государства вдохновляла далеко не всех. В одном западноберлинском кабаке даже исполнили ерническую песенку «Воссоединение», каждый куплет которой заканчивался словами:

В Бонне всяк о нем лопочет,

но всерьез никто не хочет.

Вождям восточной части объединение тем более не было нужно. В единой Германии они бы затерялись, а им хотелось иметь свое государство.

Советский верховный комиссар в Германии Владимир Семенов записал в дневнике: «Узнал, что Молотов был против распространения обязательств по Варшавскому договору на ГДР. И в этом он повторил Сталина, который хотел использовать ГДР как предмет борьбы, но не был уверен, что сможет удержать эту позицию. Значит, Берия вел ту же линию, но хотел только форсировать ее летом 1953 года. И провалился как раз на этом. А для меня это был вопрос жизни».

Хрущев не хотел выпускать из своих объятий ни ГДР, ни ее лидера Вальтера Ульбрихта. На фото: прощание в заключение визита советского генсека в ГДР в 1957 году

Яснее теперь и линии, ведущие от Берия через ГДРовских КГБистов на ликвидацию ГДР («во имя высших интересов социализма...») Это была бы катастрофа!»

Что делали посланцы Берия в Берлине

Восстание рабочих в Восточном Берлине напугало Москву. Советские руководители опасались, что Запад воспользуется мятежом и начнет войну.

«В моем огромном кабинете, где можно было в футбол играть, — записывал в дневнике Семенов, — разместились главком Гречко и представитель президиума ЦК маршал Соколовский. Телефон звонил, не переставая. Хрущев считал, что приближается «день X», когда Запад попытается прощупать штыком прочность советской власти после смерти Сталина... Поэтому Хрущев и президиум ЦК приняли решение силой подавить волнения. А в случае осложнений на границе с ФРГ перейти в контрнаступление до Падде-Кале».

17 июня, в самый драматический день восстания, Берия позвонил в Берлин Семенову. Трубку аппарата ВЧ взял помощник верховного комиссара.

— Это я, — сказал Берия.

Помощник Семенова его не узнал:

— Простите, не понял.

— Это я, я, Берия, — рявкнул министр внутренних дел. — Где Семенов?

— Он уехал в город.

— В такое время надо на месте сидеть, а не разъезжать по городу! И почему Семенов патроны бережет?

В Москве хотели, чтобы в Берлине навел порядок сам Берия. Он отправил в Восточный Берлин оперативную группу офицеров госбезопасности во главе с начальником военной контрразведки генерал-полковником Сергеем Гоглидзе. В группу входил и заместитель начальника Контрольной инспекции при МВД генерал-лейтенант Амаяк Кобулов, некогда резидент внешней разведки в нацистском Берлине.

Генерал-лейтенант Кобулов потом рассказывал:

«19 июня утром мы прилетели в Берлин, и через два дня я выехал в Галле, Лейпциг и Дрезден, где изъял две нелегальные радиостанции, работающие по заданию американцев».

Помощники Берия сформировали оперативно-следственные группы с заданием выяснить, кто виновен в берлинском восстании. Задания ликвидировать ГДР генерал Кобулов не получал. Да и не для него это было задание. Амаяк Кобулов был высоким, стройным, красивым, с усиками, обязательным и обаятельным, душой общества и прекрасным тамадой. Но этим достоинства Амаяка Захаровича исчерпывались. Ни немецкого языка, ни ситуации в Германии Кобулов, который начинал свою трудовую деятельность кассиром-счетоводом в Боржоме, не знал. Он рос в чекистском ведомстве благодаря старшему брату Богдану — давнему соратнику Берия.

А 25 июня из Москвы поступило поразившее Семенова указание арестовать обоих генералов-чекистов и отправить в столицу. Семенов позвонил Сергею Гоглидзе и попросил срочно приехать:

— Есть важные дела.

Когда генерал появился в кабинете Семенова, за ним вошли двое офицеров с пистолетами в руках. Маршал Соколовский произнес:

— Согласно решению инстанции объявляю вас арестованным.

Гоглидзе увел. Кобулов приезжать не хотел. Берия уже был арестован в Москве, взяли и Кобулова-старшего, поэтому Амаяка Захаровича по ВЧ ни с кем не соединили. Он не понимал, что происходит. На приглашение прибыть к Семенову озабоченно ответил:

— Я пытаюсь соединиться с Москвой, но нет связи. Дозвонюсь и подскокую.

— У меня связь работает, — любезно предложил Семенов. — Приезжай и звони, Амаяк.

На следующий день Семенов и маршал Соколовский на спецсамолете вылетели в Москву. Гоглидзе и Кобулова везли в том же самолете под сильной охраной — их следят на скамью подсудимых вместе с Берией.

8 июля 1953 года руководители ГДР Ульбрихт и Гротевольд вновь вылетели в Москву. Советские вожди больше не желали перемен в стране, которая едва не перестала существовать. Вожди ГДР вернулись домой с мешком подарков. Прекращались репарации. Восточной Германии прощались все долги. Сокращались расходы ГДР на содержание советских оккупационных войск. 33 совместных предприятия передавались ГДР. Восточная Германия получила большой кредит и дополнительные поставки продовольствия.

Восточный Берлин по-своему шантажировал Москву и требовал помощи.

— Никто на Западе не знает, как живут советские люди, — говорил сменивший Ульбрихта на посту руководителя ГДР Эрих Хонеккер своим помощникам. — И всем наплевать, как они живут, а мы на виду, на стыке социализма и капитализма. Поэтому СССР обязан нам помогать.

В Москве боялись, что ГДР не выдержит и рухнет, обнажив слабость социалистической системы, поэтому Восточная Германия получала много больше, чем другие соцстраны.

МЕМУАРЫ

Из Москвы в ГДР

Фриц Пляйтген — важная фигура немецкой тележурналистики.

В конце 1970-х — начале 1980-х именно от него жители ФРГ узнавали последние новости из Москвы, а позже — из Восточного Берлина, Нью-Йорка и Вашингтона.

Мы публикуем отрывок из его только что появившихся мемуаров.

22 декабря 1976 года в Москве стоял прекрасный зимний день. Рождественские деньки обещали выдаться на славу! В то время я работал корреспондентом в СССР. В атеистическом государстве натуральных рождественских елей продавалось мало, в основном, пластмассовые. Моя семья их не признавала. К счастью, посольство Швеции было радо помочь с елками.

У меня в кабинете звякнул телефон, срочное сообщение: «Корреспондент ARD Лотар Лёве выслан из ГДР». «Идиоты!» — подумал я, не догадываясь, что его высылка повлечет за собой радикальные перемены в моей жизни. В сообщении также приводились слова, которые Лёве произнес накануне вечером в программе Tagesschau («События дня») и которые послужили причиной его высылки: «Люди в ГДР явно ощущают обострение политического курса. Число политически мотивированных арестов увеличивается по всей стране. Те, кто подает прошение о разрешении на выезд, все чаще получают отказ, сопровождающийся запугиванием. Здесь, в ГДР, каждый ребенок знает, что пограничным войскам дан строжайший приказ отстреливать людей как зайцев».

Не то чтобы это было неправдой, но юридически значимых доказательств у корреспондента не нашлось. Действительности скорее не соответствовало заявление режима, будто Лёве лишили аккредитации за вопиющую клевету на народ Демократической Республики: восточные немцы, безусловно, были согласны с оценкой западногерманского корреспондента.

...С декабря 1970 года я вместе с семьей жил и работал телевизионным корреспондентом в СССР. Первые пять лет были кошмаром. Для чего-то масштабного у меня не хватало ресурсов: отсутствие собственного оператора было равнозначно цензуре. Поскольку в Советском Союзе все было государственное, мне

приходилось практически для каждого сюжета получать разрешение советского МИДа. Но вот в 1975 году в Хельсинки состоялась Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, на котором была рассмотрена в том числе и группа гуманитарных вопросов (так называемая «Третья корзина» Хельсинкского соглашения) в отношениях между Востоком и Западом. Мы, иностранные корреспонденты, оказались в числе бенефициаров. Меня вызвали в отдел советского МИДа, который кури-

ровал СМИ, и официально сообщили: я могу подать документы на аккредитацию оператора.

Наконец-то с оператором мы могли беседовать с советскими гражданами на улицах, не испрашивая разрешения у государства. Теперь нам не столько нужен был советский МИД, сколько хорошие контакты с интересными людьми. Устанавливать контакты нам помогал германист Лев Копелев, близкий друг Генриха Бёлла и Андрея Сахарова. В результате мы представили нашей аудитории в Германии писателей Юрия Трифонова и Валентина Распутина, поэтов Андрея Вознесенского и Беллу Ахмадулину, бардов Владимира Высоцкого и Булата Окуджаву, художников Бориса

Биргера и Оскара Рабина, Илью Кабакова, Владимира Немухина и их друзей-неконформистов, а из мира науки — противников режима Андрея Сахарова и Юрия Орлова.

В этот период мы, иностранные корреспонденты, на территории Восточного блока столкнулись с двумя разнонаправленными тенденциями: по мере существенного улучшения условий нашей работы в Советском Союзе в ГДР они ухудшались.

То, что происходило в начале 1977 года за железным занавесом на Востоке, мало интересовало людей на Западе. ГДР была чем-то второстепенным. К тому же у нас были серьезные проблемы в собственном государстве, потрясенном терактами Фракции Красной армии (РАФ). И тем не менее руководство ARD не упускало из вида и вопрос о преемнике Лёве. Нужно было подобрать двух корреспондентов, которые бы подходили друг другу. По его мнению, руководство корпорации должно было взять на себя журналист с опытом работы в Москве, поскольку ГДР находилась в полной зависимости от Советского Союза. Так в игре оказался я.

В ГДР я и мой коллега встретились с пристальным вниманием ищек «Штази»

Руководитель ARD фон Зельль поделился своей идеей с другими интendantами ARD, у которых она не вызвала возражений. Корреспондент, которому в Москве удалось взять несколько спонтанных интервью у всемогущего главы КПСС Брежнева и который в то же время поддерживал хорошие контакты с инакомыслящими, имел все шансы утвердиться и в менее масштабном авторитарном государстве — таков был расчет верхушки ARD. Обо всем этом я не догадывался, когда в апреле 1977 года меня пригласили на беседу с руководством WDR в Кельн.

Наш интendant сразу перешел к делу. Я не могу оставаться в Москве вечно, если, конечно, не хочу, что-

бы меня похоронили у Кремлевской стены. Фон Зельль не скупился как на саркастические замечания, так и на похвалу. Безусловно, я справлюсь и с новой амбициозной задачей. После тактического предисловия фон Зельль я подготовился к худшему. Интуиция меня не подвела.

Руководство корпорации ARD в ГДР — это одна из важнейших задач, которые есть в WDR, продолжил наш интendant. «И при этом малопривлекательная», — вставил я. «Почему?» — поинтересовался фон Зельль. Я рассказал ему о своей поездке в Берлин осенью 1956 года, включая «вылазку» на народный праздник в Восточном секторе — тогда это еще не представляло проблемы. Несмотря на юный возраст, я и мой коллега встретились с пристальным и неприятным вниманием со стороны ищек «Штази». Они слетелись на нас, как мотыльки на свет. По прошествии многих лет, сказал я фон Зельлю, ситуация не изменилась.

Будучи телевизионным корреспондентом в Советском Союзе, я позволял себе такой экстравагантный шаг, как поездка на автомобиле по маршруту Кельн—Москва через всю Центральную и Восточную Европу. Причем я делал это минимум дважды в году! Собираясь в Москву, я загружался таким дефицитом, как детское питание, подгузники, косметика, моющие средства, детская одежда и даже земля для комнатных растений. 2125 км от Кельнского собора до Московского кремля и столько же обратно.

Дороги были в очень плохом состоянии, заправки на советской территории встречались настолько редко, что ездить без запасной канистры было немисливо. Зимой оно было запросто улететь с обледеневшей трассы в кювет или неожиданно встать перед снежным заносом. Летом в сумерках приходилось вглядываться, чтобы вовремя среагировать, если вдруг кто-то после бутылки-другой водки решал пропастись на теплом асфальте. Дороги в Польше были чуть лучше, но тоже далеки от идеала. Расслабиться на

Фриц Пляйтген беседует с Л. И. Брежневым и президентом США Ричардом Никсоном (июль 1973 г. Сан-Франциско, Калифорния)

протяжении всей поездки было невозможно. Сегодня я рад, что получил такой опыт. Он позволяет мне больше ценить те привилегии, которыми пользуются жители давно уже объединенной Европы.

Самым неприятным участком был транзит через ГДР. Западные немцы знали о назойливости и вездесущности восточногерманских спецслужб и всегда воспринимали Демократическую Республику как коварное полицейское государство. Всем, кто решался въехать на его территорию, уже на границе давали убедительный совет: не надевать шкуру, что оно не дремлет. Для меня не делали исключений.

Когда из Кельна я направлялся в Москву, первой остановкой был КПП «Хельмштедт»—«Мариенборн». Западногерманский контроль я проходил без проблем, после чего по коридору с бетонными стенами подъезжал к пограничному сооружению «Мариенборн». Там со мной никто не любезничал. Паспортный контроль длился целую вечность. Мой случай был нетривиальным: целью моей поездки были не ГДР и даже не Западный Берлин, мне нужно было как можно быстрее добраться до КПП «Франкфурт-на-Одере»—«Служице» на границе с Польской Народной Республикой.

Условия соглашения о транзите между Федеративной Республикой и ГДР избавляли меня от досмотра автомобиля. И тем не менее меня пре-

проводжали на таможенную стоянку, где вместе с машиной и не спрашивая согласия подвергали мощному ионизирующему гамма-излучению, чтобы не допустить провоза спрятанных пассажиров. Поскольку люди не знали, что происходит, они не могли даже заявить протест.

К тому моменту, когда мне наконец разрешили продолжить поездку, я проводил на КПП «Мариенборн» не один час. Впрочем, сотрудники «Штази» даже после такого контроля не хотели оставлять мой под завязку нагруженный автомобиль без присмотра. В зеркале заднего вида я наблюдал, как государственный эскорт следовал за мной по пятам до самой границы с Польшей.

Интendantу WDR я поведал не только об этом, но и о своем праведном гневе по поводу беспардонности режима СЕПГ, дерзнувшего натравить на нашего уважаемого федерального канцлера Вилли Брандта шпиона Гюнтера Гийома (ближайший советник канцлера, оказавшийся агентом «Штази». — «Д»). Моя аргументация сводилась к следующему: в вопросах ГДР я не беспристрастен и потому не смогу гарантировать объективное освещение.

Фридрих-Вильгельм фон Зельль, опытный юрист, мягко улыбаясь и заверил меня в обоснованности моего самоговора и в «предвзятости». Сегодня я рад, что все получилось как получилось. Время работы в ГДР помогло мне стать гражданином всей Германии. Когда сегодня я еду на восток страны, люди, во всяком случае, из старшего поколения, по-прежнему видят во мне «их» корреспондента, и — признаюсь — мне это чрезвычайно приятно.

**ПРЕВОСХОДНЫЙ ОБЗОР.
БЛАГОДАРИ РАЗДВИЖНЫМ
ДВЕРЯМ SCHÜCO.**

От крупноформатных раздвижных дверей в панорамном дизайне до подъемно-раздвижных и складных раздвижных конструкций. Раздвижные системы Schüco наполняют помещения дневным светом. Выберите раздвижную дверь, идеально подходящую для вашего строительного проекта. www.schueco.ru/sliding-doors

SCHÜCO

Реклама